

СТАЛИН И НАЦИОНАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОПРОС

Черняков Сергей Феликсович - кандидат исторических наук (г. Москва).

Рассмотрение национальной и внешней политики И.В. Сталина следует начинать с 30-х годов XX века – со времени, когда в результате победы во внутривластной борьбе Сталин

приобрел всю полноту власти в партии и в стране. В историографии существуют две основных точки зрения относительно затрагиваемой нами проблемы. По мнению большинства современных исследователей, начиная, по крайней мере, с середины 30-х годов наблюдается разрыв сталинского руководства с политикой интернационализма и поддержки мирового революционного движения. Причем если одни авторы дают такому повороту негативную оценку¹, то другие усматривают в нем сугубо положительную тенденцию.²

Другая точка зрения современной исторической науки прямо противоположна предыдущей. Историки и публицисты рассматривают Сталина в качестве продолжателя дела Ленина в мировом революционном процессе. Как и в предыдущем случае, одни рассматривают эти усилия Сталина со знаком «плюс»;³ другие выставляют этой политике жирный «минус».⁴

При этом, как нередко бывает, в большинстве монографий Сталин в данном вопросе представлен крайне односторонне: либо адепт мировой революции и интернационализма, либо великодержавник-изоляционист. Как правило, приводятся факты, подтверждающие одну из сторон деятельности советского лидера, и, так или иначе, замалчиваются иные факты, подтверждающие вторую сторону сталинской политики...

В 1936 г. были сняты ограничения по службе в Красной Армии с казачества, по новой Конституции СССР в выборах могли принимать участие все слои советского общества, была раскритикована историческая школа М.Н. Покровского, выступавшая с жестких классовых, интернационалистских позиций. В середине 30-х годов начались репрессии против партийных работников и интеллигенции многих народов Союза ССР. Постепенно в исторической литературе и партийной публицистике начали прогрессивно оценивать многие завоевания царской России, а также деятельность

¹ Роговин В.З. Сталинский неонэп. М., 1994. С. 241-256.

² Жуков Ю.Н. Иной Сталин. М., 2003. С. 113-114.

³ Косолапов Р.И. Предисловие к 18-му тому сочинений И.В. Сталина // Сталин И.В. Соч. Т. 18. С. XVI-XVIII.

⁴ Попов Г.Х. Теория и практика социализма в XX веке. М., 2006. С. 215.

ряда русских князей, царей и полководцев (А. Невского, Д. Донского, И. Грозного, Петра I, А.В. Суворова, М.И. Кутузова и др.).⁵

Однако далеко не все эти изменения можно отнести к возрождению великодержавной политики. К этому времени объективные тенденции укрепления нового строя способствовали дальнейшей общественно-политической амнистии противников большевизма. В этом контексте следует смотреть и на реабилитацию казачества, среди которого к тому моменту на свободе вряд ли имелись активные враги Советской власти. Также расширением социалистической демократии можно считать первые в СССР равные выборы (если бы они не проводились в условиях диктаторского режима).

Полагаем, что эти действия сталинского руководства были одной из многочисленных пропагандистских акций, демонстрирующих «демократичный характер» существующего строя. Что касается переоценки исторических ценностей и приоритетов, то здесь нужно видеть две узловые проблемы. С одной стороны, возврат ко многим пластам исторического наследия дореволюционной поры был объективен. Тотчас после Октября и окончательно в 20-е годы провалились попытки большевиков строить новую жизнь с «чистого листа» в культуре, образовании, военной науке и проч. При этом в 30-е годы апологетики князей и полководцев прошлого не наблюдалось, и, несомненно, на первом месте в советской идеологии незыблемо продолжали стоять творцы нового строя во главе с Лениным. В целом более сбалансированный взгляд на события истории (в том числе и дореволюционной) соответствовал ее диалектико-материалистическому пониманию.

В «Замечаниях» по поводу конспекта учебника по истории СССР (1934г.) Сталин как раз критиковал его содержание с сугубо классовых позиций. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) отмечал, что в учебнике преподносится лишь русская история, а не история народов СССР; не подчеркнута аннексионистско-колонизаторская роль царизма, слабо представлено национально-освободительное движение покоренных самодержавием народов.⁶ (Хотя именно эти раскритикованные вождем положения станут основополагающими в советской исторической науке к концу 40-х годов.)

Более существенные изменения происходят во второй половине 30-х годов. В 1937г. были приняты постановления ЦК о ликвидации культурно-национальной автономии ряда народов, а в 1938г. постановление о введении обязательного обучения русскому языку в школах национальных республик.⁷ В стране возрождались бытовой национализм и ксенофобия. Рядовые партийцы и представители интеллигенции недоумевали по поводу такого поворота в национальной политике, ибо она все реши-

⁵ Роговин В.З. Сталинский неонэп. С. 235, 241-254.

⁶ Сталин И.В. Соч. Т.14. С. 39-40.

⁷ Роговин В.З. Мировая революция и мировая война. М., 1998. С. 81.

тельнее расходилась не только с марксизмом, но и с идеями и высказываниями самого Сталина.⁸

Сталинский террор середины 30-х годов был направлен и против революционных эмигрантов, деятелей международного коммунистического движения. Одновременно Сталин требовал от ИККИ «чисток» в компартиях на местах. По мнению ряда исследователей, в Советском Союзе было уничтожено коммунистов из восточноевропейских стран больше, чем их погибло у себя на родине во время фашистской оккупации.⁹ Известный советский экономист Е.С. Варга в письме Сталину в марте 1938 г. указывал, что в стране свирепствует ненависть к иностранцам; все они без разбора рассматриваются как шпионы; подобная политика деморализует деятельность ИККИ.¹⁰

Естественно, такой поворот в политике был замечен не только рядовыми партийцами, но и видными большевиками, в том числе бывшими лидерами внутривнутрипартийной оппозиции. Неслучайно, многие историки усматривают одну из причин террора 30-х годов по отношению к старым большевикам в их попытках, так или иначе, противостоять сталинской термидоризации национальной политики марксизма.¹¹

Сам Сталин в официальных выступлениях и статьях позволял лишь определенную корректировку марксистских положений в национальном вопросе, которую можно интерпретировать как конкретное применение теории на практике. В частных же беседах вождь был куда более откровенным.

В ноябре 1939 г. в беседе с А.М. Коллонтай Сталин восхвалял русский народ как «самый великий» и сетовал на происки «мирового сионизма».¹² А ведь до официального тоста «за русский народ» оставалось шесть лет. А до начала борьбы с космополитизмом – почти десять. Под свою ксенофобию Сталин подводил и «теоретическую базу». Дескать, в наше время пролетарский интернационализм нужно сочетать со здоровым национализмом, тогда будет меньше шпионов и предателей.¹³

На международной арене искажение Сталиным марксистских принципов не было столь явным, как внутри страны. После провала тезиса о «социал-фашизме» на рубеже 20-30-х годов и прихода Гитлера к власти в Германии Сталин к 1935 г. приходит к тактике коллективной безопасности и Народного фронта. Данная тактика не являлась полным разрывом с идеями мировой революции. Маневрирование между более

⁸ См., напр., письмо театрального критика В.И. Блома И.В. Сталину от 31 января 1939г. // Вопросы истории. 2000. №1. С. 130-132.

⁹ Роговин В.З. Партия расстрелянных. М., 1997. С. 322-341.

¹⁰ Политбюро ЦК РКП(б) - ВКП(б) и Коминтерн: 1919-1943. Документы. М., 2004. С. 767.

¹¹ Жуков Ю.Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 года // Вопросы истории. 2002. №1. С. 3-25.

¹² Сталин И.В. Соч. Т.18. С.610.

¹³ Дневник Г. Димитрова // Вопросы истории. 2000. №7. С. 42.

умеренной и более наступательной внешней политикой по-прежнему было подчинено цели создания монолитной мировой коммунистической системы с единым центром, разумеется, в СССР.¹⁴

В условиях стабилизации и укрепления капитализма в Европе и США, установления фашистских и профашистских режимов во многих европейских странах политика Коминтерна, проводимая в 20-х годах, попросту была невозможна. Даже в те годы В.И. Ленин в «Детской болезни левизны в коммунизме» констатировал и возможность, и необходимость для коммунистов заключения в определенные исторические периоды различных союзов и блоков, легальной парламентской борьбы и проч. Представляется, что даже Л.Д. Троцкий, находясь он во главе СССР в 30-е годы, несмотря на весь революционный пафос, вряд ли бы стал (а тем более, смог) избегать блоков с антифашистскими капиталистическими государствами. (Именно Троцкий в противовес Сталину на рубеже 20-30-х годов выступал за единство антифашистских сил в Европе.)

В 1932 г. Сталин в заметке «Господин Кэмбелл привирает» опровергает якобы высказанные им Кэмбеллу стремления ограничить «коммунизм» лишь своей страной, называя это «бессмысленной небылицей».¹⁵ Понимая, что мировая революция в том виде, как это представляли Маркс - Энгельс и даже Ленин неосуществима, Сталин ориентируется на длительную и кропотливую работу по идейной подготовке европейского пролетариата.¹⁶ В итоге он приходит к выводу, что расширение географии социализма возможно через формирование у европейских рабочих образа СССР как «второй родины» (определенной защита страны от возможной агрессии); а самое главное – через мировую войну, которая подобно первой мировой войне, вырвет из империалистической цепи очередные «слабые звенья».¹⁷

В 30-е годы СССР активно поддерживает национально-освободительную борьбу Китая против японской агрессии, а также оказывает громадную помощь республиканской Испании. Полагаем, что и советско-германский пакт о ненападении (август 1939 г.) *сам по себе* в условиях Мюнхена не являлся изменой делу социализма. Наоборот, он позволил Советскому Союзу, ослабленному массовыми репрессиями, оттянуть войну почти на два года. (Хотя Сталин воспользовался этим временем не самым продуктивным образом.)

¹⁴ Шубин А. 10 мифов Советской страны. М., 2008. С. 361-370.

¹⁵ Сталин И.В. Соч. Т.13. С. 147.

¹⁶ Дневник Г. Димитрова. С. 40,34.

¹⁷ Наджафов Д.Г. СССР в послевоенной Европе. Октябрь 1938г. - март 1939г. // Отечественная история. 2000. №2. С. 68-72; Шапинов В.В. Империализм от Ленина до Путина. М., 2007. С. 47.

Другое дело – секретные протоколы к пакту. При всей двойственности их характера¹⁸ деление иных государств на сферы влияния, тем более – сговор с фашистами являлись не столько грубым нарушением международного права (западные демократии поступали точно так же), сколько отступлением от ленинской внешней политики. Еще более неоправданным преступлением сталинизма стала передача гитлеровской Германии немецких и австрийских политэмигрантов.¹⁹

В годы Великой Отечественной войны национализм сталинской политики стал уже практически открытым явлением. (Хотя теоретически он по-прежнему рядился в одежды патриотизма, а интернационализм оставался незабываемой идеологической доктриной.) Массовые депортации целых народов не только не имели ничего общего с большевистским интернационализмом, но и являлись вопиющим нарушением международных правовых норм, граничили с геноцидом.

В сталинской историографии депортации объяснялись тем, что «многие» представители выселенных народов сотрудничали с оккупантами, а «основная масса» их не оказывала противодействия этим предателям.²⁰ А как быть с теми многими выходцами из «наказанных» народов, которые героически сражались с фашистами в рядах Красной Армии?²¹ Что касается пассивности основной массы населения, то и в других районах страны активную борьбу в рядах партизан и подпольщиков вело меньшинство населения. Абсурдно высчитывать процент предателей в той или иной нации и на основании этого процента наказывать весь народ.

Причем Сталин и его окружение верили, что такая политика не противоречит марксизму. Так, много лет спустя В.М. Молотов в беседах с писателем Ф. Чуевым объяснял депортации словами правительственных постановлений 40-х годов, прибавляя лишь фразу о том, что «разбираться было некогда». И в тех же разговорах Молотов совершенно искренне доказывал необходимость равноправия всех советских народов.²² Здесь налицо неумение владеть марксистской логикой, применить общее к частному.

После войны происходит дальнейшее усиление великодержавности во внутренней политике. В условиях начинавшейся «холодной войны», стремления значительной части населения к демократическим переменам Сталин возвращается к политике жесткого изоляционизма и в русле борьбы с Западом начинает кампанию против

¹⁸ Вхождение Прибалтики и Бессарабии в состав Союза ССР, даже несмотря на сталинские репрессии, было не только для социализма вообще, но и для этих народов в частности было лучшим вариантом, чем попадание под нацистскую оккупацию.

¹⁹ Роговин В.З. Конец означает начало. М., 2002. С. 117-120.

²⁰ Хрестоматия по отечественной истории (1946-1995гг.) Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. М., 1996. С. 263.

²¹ Там же. С. 292.

²² Герои и антигерои Отечества. М., 1992. С. 434, 430-432

«космополитизма». Естественно, в такой борьбе главной опорой режима могли стать традиции русского народа - самого крупного среди советских народов. Русский народ для Сталина – цемент, скрепляющий остальные народы страны. Отсюда дальнейшее восхваление прошлого русской нации в ущерб другим народам СССР (через объявление дореволюционной национально-освободительной борьбы этих народов реакционной и проч.).

С другой стороны после победы в Великой Отечественной войне Сталин окончательно идентифицировал идеи мирового революционного процесса с советской экспансией, а собственное место в истории с ролью видных царей прошлого. Еще в 1937 г. он рассуждал о том, что русские цари сделали одно хорошее дело – сколотили огромное государство.²³ Спустя десять лет Сталин объяснял положительную роль Ивана Грозного в русской истории следующим образом: «Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния».²⁴ Таким образом, огромное, закрытое, сильное государство окончательно становится для Сталина идеалом; при этом, на деле, генералиссимус практически абстрагируется от историчности такого государства.

Несмотря на великодержавную политику, Сталин допускал русский шовинизм лишь до определенных пределов, понимая, к каким взрывоопасным последствиям для единства страны он может привести. Поэтому, следуя своей излюбленной тактике, он вел борьбу «на два фронта»: против космополитизма и великорусского шовинизма. В данном контексте следует рассматривать и «ленинградское дело».²⁵

В этой связи не более чем очередной мифологемой выглядят рассуждения тех авторов, которые воспевают переход Сталина на «почвеннические», национал-патриотические и чуть ли не процерковные позиции.²⁶ При этом для обоснования подобного «прозрения» вождя используются даже откровенные фальшивки.²⁷ При всех искажениях и отступлениях от интернационализма *полного* разрыва с ним, а тем более *окончательного* перехода на позиции великодержавного шовинизма ни в теории, ни на практике Сталин не осуществил. В своей национальной политике Сталин механически соединил элементы марксизма с элементами великодержавности...

²³ Дневник Г.Димитрова. С. 36.

²⁴ Сталин И.В. Соч. Т.18. С. 434.

²⁵ Вопросы истории. 1999. №7. С. 52; Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.,2001. С. 163.

²⁶ Историография сталинизма. М.,2007. С.182-186,199-204. Критику этих взглядов см.: Шубин А. Ук. соч. С. 368-370, 399-401.

²⁷ Курляндский И.А. О мнимом повороте Сталина к православной церкви. // Вопросы истории. 2008. №9. С. 7-8, 11-13.

Особое место в национальной политике после войны приобретает антисемитизм. Первоначально Сталин положительно отнесся к созданию государства Израиль на Ближнем Востоке. Более того, в первую очередь, благодаря дипломатической поддержке и военной помощи со стороны Советского Союза и других социалистических стран Израиль был образован де-факто, одержав победу в перовой войне с арабами. Даже в 1948 г. в разгар «холодной войны» отношения между СССР и Израилем оставались достаточно хорошими.²⁸

Лишь на рубеже 1948-1949гг. в отношениях между двумя странами началось похолодание. К этому времени окончательно рухнули надежды Кремля на то, что Израиль станет своеобразным форпостом советской внешней политики на Ближнем Востоке. Одновременно правящие сионистские круги еврейского государства пытались вести пропаганду среди советских евреев относительно их эмиграции на «историческую родину».²⁹

Как известно, в СССР репрессиям в первую очередь подвергались те народы, которые имели государственные образования вне пределов Советского Союза (корейцы, немцы, финны и т.д.) А если учесть стремление интеллигенции, среди которой процент евреев был достаточно высок, к контактам со своими западными коллегами, становится понятной антисемитская политика властей в конце 40-начале 50-х годов. И если в конце 40-х годов репрессий в основном еще не было, то в 1951-1953 гг. начались показательные процессы в виде уничтожения ЕАК, «дела врачей», погрома еврейской национальной культуры, «процентных норм» для евреев в госучреждениях и ВУЗах.³⁰

Подобная политика, как и борьба с «врагами народа» в 30-е годы и другие политические кампании, вызывала массовый психоз в обществе, всплеск, возрождение и формирование бытового антисемитизма. Нередкими стали выступления и письма во власть рядовых граждан с требованиями «принять меры к евреям». «Евреи мешают переделывать психологию советских людей в коммунистическом духе, - отмечалось в одном из писем на имя А.А. Жданова. <...> Народ наш терпелив. Он терпит евреев из уважения к партийным принципам большевистской партии. Но терпение может лопнуть».³¹

В этом письме – не только антисемитизм, принятие «на ура» очередной политической акции, желание выслужиться, отличиться в этом деле. Здесь, как на ладони, -

²⁸ Костырченко Г.В. Ук. соч. С. 401-403; Советско-израильские отношения: сборник документов. Т.1. Кн.1. М.,2000. С. 412, 414.

²⁹ Костырченко Г.В. Ук. соч. С.416-422.

³⁰ Там же. С. 454-457, 459-464, 581-584, 636; Сталин и космополитизм. 1945-1953. М.,2005. С.595-602,609-611,615-616.

³¹ Сталин и космополитизм. С. 185-186.

уровень мышления части советских людей (как окажется впоследствии – значительной части), степень их восприятия коммунистической идеологии после тридцати лет Советской власти. А их мышление и восприятие формировались на базе весьма противоречивой политики сталинского руководства...

В исторической литературе и мемуарах неоднократно обращалось внимание на антисемитизм Сталина. Вполне возможно, такой порок у вождя действительно был. Однако, конечно, это не был религиозный антисемитизм монархистов или зоологический – нацистов. Даже в начале 50-х годов евреи входили в ближайшее окружение Сталина; многие по-прежнему занимали ведущие позиции в государственном управлении, науке и культуре.³² Антисемитизм, как и любая другая разновидность национализма, был для Сталина *средством* достижения собственных целей.

Понимая, что антисемитизм – это пятно на его репутации как марксиста-ленинца, на словах вождь даже среди своего ближайшего окружения старался отмежеваться от антисемитизма, осудить его проявления.³³ Большинство людей, по воспоминаниям К.М. Симонова, искренне верило, что это зло чуждо мировоззрению Сталина. Лишь позднее наступало прозрение. Сталин устраивал перед людьми очередной спектакль, а сам являлся главным инициатором насаждения антисемитизма в стране.³⁴

Завершая рассмотрение проблемы государственного антисемитизма в СССР после войны, нельзя не согласиться с выводом выдающегося советского разведчика П.А. Судоплатова. «Сталин и его ближайшее окружение проявляли интерес к еврейскому вопросу, чтобы извлечь политические дивиденды в борьбе за власть и для консолидации своих сил. <...> Использование Сталиным антисемитизма ... в своих политических махинациях ... обернулось развязыванием рук для тех руководителей, которые таили в душе ненависть к еврейскому населению. Для Сталина антисемитизм был орудием для достижения цели, но в руках его подчиненных он стал принципом государственной кадровой политики».³⁵

По окончании Второй мировой войны большинство освобожденных Красной Армией стран Европы и Азии встали на социалистический путь развития. Корреляция между революциями внутри этих стран и их «экспортом» со стороны Советского Союза – тема отдельного исследования. Важно отметить другой факт. Объективно расширение советского влияния в обозначенных регионах было созданием мировой

³² Интересно, что премьер-министр Израиля Бен-Гурион отрицал биологический антисемитизм в Сталине. (Советско-израильские отношения. Кн.2. С. 405.)

³³ Тем более, что окружение Сталина, несмотря на общее раболепие, не было абсолютно во всем с ним согласно. А.А. Жданов и В.М. Молотов в целом оставались на позициях интернационализма. То же можно отнести к большинству видных представителей творческой интеллигенции (русских по национальности).

³⁴ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения //Симонов К.М. Истории тяжелая вода. М.,2005. С. 445, 457-459.

³⁵ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М.,1996. С. 348, 365.

социалистической системы. Другой вопрос, что эта система было слепком со сталинской системы в СССР со всеми присущими ей существенными деформациями социализма.

Касаясь соотношения социализма и сталинизма, видный исследователь В.З. Роговин отмечал: «В отличие от стратегии Ленина-Троцкого Сталин предпочитал методы геополитической экспансии, а не поддержки народных революций». ³⁶ Позволим себе не во всем согласиться с такой оценкой. Действительно, методы сталинской поддержки революционных движений отличались от проектов Ленина и Троцкого на заре Советской власти (так же как практика последних отличалась от теории перманентной революции К. Маркса и Ф. Энгельса). Как мы уже указывали применительно к 30-м годам, все дело – в изменениях на международной арене, в мировом коммунистическом движении.

Даже в 1918-1927 гг., когда капитализм переживал жесточайший кризис, а в мире происходили многочисленные революции, ни одна из них по тем или иным причинам не победила. Затем, несмотря на прогнозы левых, капитализм укрепил свои позиции. И хотя в результате победы над фашизмом влияние коммунистических сил возросло, уповать на мировую революцию в том ключе, как ее представлял Ленин, а тем более Троцкий, не имело под собой серьезных оснований.

Никто иной, как Л.Д. Троцкий, при всей апологетике революционных способностей европейского пролетариата, еще в 20-е годы сделал, на наш взгляд, пророческие замечания по поводу судеб мировой революции. Выступая на XV конференции ВКП(б) (осенью 1926 г.) он обозначил суть проблемы. Если в обозримом будущем не произойдет мировой революции, то капитализм укрепит свои позиции, расширит свое воспроизводство, что автоматически усилит его военно-техническую мощь, поднимет оппортунистическую «рабочую аристократию». А это, в свою очередь, объективно ослабит не только международное рабочее движение, но и СССР. ³⁷

Подходя к проблеме диалектически, Троцкий в письме VI конгрессу Коминтерна (июль 1928 г.) предостерегал от абсолютизации политики «мирного сосуществования» с Западом, ибо вместо страховки себя от возможной интервенции может получиться иная картина. За период длительной мирной передышки капитализм и оппортунизм станут сильнее во всех отношениях, а значит, станут сильнее препятствовать социалистическому развитию Советского государства. ³⁸

В 30-е годы неблагоприятный для судеб мирового социализма вариант прогноза Троцкого стал, по сути, полностью сбываться. И дело здесь не только в ослаблении

³⁶ Роговин В.З. Конец означает начало. С. 146.

³⁷ XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). 26 октября-3 ноября 1926 г. Стеногр. отчет. М.-Л., 1927. С. 531-533.

³⁸ Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998. С. 674-685.

революционной миссии СССР, не только в тактических ошибках лидеров революционных партий, но и во внутренних резервах капиталистической системы, которые большевики изначально недооценивали.

Сталин пытался нащупать разрешение этой проблемы еще с середины 20-х годов во время острейшего внутривнутрипартийного противостояния с левой оппозицией и окончательно пришел к ее решению в 30-е годы. Однако *стратегия* поддержки международного коммунистического движения и образования новых социалистических стран оставалась тождественной доктрине большевизма.

Очень точно раскрывает суть этого вопроса В.В. Шапинов. «...В отличие от Троцкого, чье видение осталось лишь теоретической схемой, в создании мировой системы социализма от Китая до Восточной Германии мы видим формулу реализации этой идеи: Сталин воспользовался мировой войной, чтобы максимально расширить географию социальной революции. <...> Различные взгляды на политику коммунистических партий в Германии, Испании, Китае – это различные варианты революционной политики ... но это вовсе не отказ от революции...».³⁹

Роспуск по инициативе Сталина в 1943 г. Коминтерна – не более чем очередной политический ход в условиях укрепления сотрудничества с союзниками по антигитлеровской коалиции. И через создание после войны Коминформа, и через личные контакты с лидерами зарубежных компартий Сталин по-прежнему играл определяющую роль в выработке политики иностранных коммунистических партий.

Первоначально (примерно до конца 1948 г.) Сталин инструктировал лидеров стран народной демократии проводить умеренную политику, без «красногвардейской атаки на капитал», в духе народно-демократического фронта.⁴⁰ Лишь в 1948-1949 гг. в условиях окончательного наступления эпохи «холодной войны» генералиссимус пошёл на трансформацию народно-демократических режимов в странах Восточной Европы в однопартийные. Но даже тогда советский лидер не отказывается от мысли о поэтапности социалистических преобразований (прежде всего, в экономической сфере) в этих государствах.⁴¹

Главное, чего Сталин непременно требовал от лидеров стран народной демократии на протяжении всего послевоенного времени – *это даже не абсолютного копирования советского опыта, а безусловного исполнения непосредственных указаний Кремля на тот момент времени.*⁴² В этом контексте следует рассматривать конфликт с Югославией, а также репрессии против видных политических деятелей в руководстве других восточноевропейских стран.

³⁹ Шапинов В.В. Ук. соч. С. 47.

⁴⁰ Сталин И.В. Соч. Т.18. С.470; Дневник Г.Димитрова. С. 46, 49, 54.

⁴¹ Советский фактор в Восточной Европе. 1944-1953 гг. Т.2. М.,2002. С. 70-72, 696.

⁴² Там же. С. 714.

Итак, мировой революционный процесс второй половины 40-х годов XX века ознаменовался, с одной стороны, приходом к власти компартий в странах Восточной Европы и Юго-Восточной Азии, началом строительства основ социализма в этих государствах. Значительной всесторонней помощью со стороны Советского Союза; с другой стороны – изначальной деформацией этого процесса по советскому образцу, использованием советским руководством появления дружественных стран в собственных, узко геополитических интересах.

Рассматривая масштабную войну в качестве одного из ключевых средств в дальнейшем расширении социалистического лагеря, Сталин с конца 40-х годов открыто принимает вызов Запада на конфронтацию. «Следует этого [новой мировой войны – С.Ч.] бояться? – рассуждал генералиссимус осенью 1950 г. в разгар корейской войны. – По-моему, не стоит, так как мы вместе [с Китаем – С.Ч.] будем сильнее, чем США и Англия, а другие капиталистические европейские государства без Германии, которая сейчас не может оказать США какой-либо помощи – не представляют серьезной военной силы».⁴³

По воспоминаниям одного из видных военных деятелей компартии Чехословакии А. Чепички, в начале 1951 г. на совещании в Москве Сталин заявил, что на данный момент в Европе наблюдается перевес у армий социалистических стран, и пока он существует, нужно использовать эту историческую возможность: освободить Европу от капитализма. Начали разрабатываться конкретные военно-стратегические планы. Однако колоссальные экономические и военные издержки подобной операции побудили советского лидера в скором времени отказаться от своего плана.⁴⁴

Подводя итог национальной и внешней политике Сталина, обозначим ряд выводов. Во-первых, и это главное, диалектический анализ сталинской политики позволяет видеть ее *противоречивость*. Присутствие в ней, как интернационально-коммунистических, так и великодержавно-шовинистических тенденций.

Во-вторых, следует разделять внешнюю и внутреннюю политику Сталина в этом вопросе. Во внешней политике, несмотря на существенные отклонения (раздел сфер влияния с гитлеровской Германией, выдача нацистам политэмигрантов и проч.) СССР в целом сохранил революционный потенциал советской внешней политики предыдущих лет. Об этом свидетельствуют поддержка народного правительства Испании и борьбы китайского народа против Японии в 30-е годы, создание мировой социалистической системы после Второй мировой войны. Однако этот революционный потенциал был существенно *модифицирован*, как по объективным, так и по субъективным причинам.

К объективным обстоятельствам относится изменение международной обстановки: крах надежд на способность мирового (и, в первую очередь, европейского) проле-

⁴³ Сталин И.В. Соч. Т.18. С. 554.

⁴⁴ Вопросы истории. 1999. №10. С. 85-87.

тариата собственными силами (или, по крайней мере, при поддержке СССР) осуществить в своих странах социалистические революции. К субъективным факторам следует отнести специфическое понимание Сталиным мирового революционного процесса. Образование после войны стран народно-демократического блока являлся для советского лидера не целью, а, прежде всего, средством укрепления геополитического положения СССР, собственных вождистских устремлений. Несомненно, сила мирового коммунистического движения была прямо пропорциональна мощи Советского Союза. Но Сталин своей политикой нарушил эту пропорцию. От этого (и в то время, и особенно в будущем) пострадали не только международное рабочее движение, но и Советское государство.

Во внутренней политике национально-государственная деятельность Сталина также была противоречива. С одной стороны, происходило преодоление вековой отсталости многих народов, их бурное экономическое и культурное развитие. Интернационализм, культивируемый марксистско-ленинской идеологией, все шире завоевывал сознание советских людей и проявлялся в сотрудничестве, дружбе, любви представителей разных советских народов.

С другой стороны – этот вектор развития тормозился и искажался параллельно начавшимся со второй половины 30-х годов ущемлением национально-культурных прав отдельных народов, репрессиями против их представителей, а затем против ряда национальностей в целом. Здесь Сталин целиком отошел от марксистского понимания национального вопроса (и даже от буржуазно-демократической трактовки этой проблемы). Сталинский национализм не имел в своей основе ключевых черт феодально-буржуазного национализма (религиозных, расовых, экономических). Он проистекал из великодержавной, «имперской» концепции государственного устройства, принятой Сталиным на вооружение еще в 20-е годы, и опирался на еще не устраненные пережитки дореволюционного прошлого в быту и сознании немалой части населения. Двадцать – тридцать лет принципиально иного уклада жизни даже при абсолютно верной государственной политике не смогли бы полностью разрешить эту проблему. Национализм «сверху» нередко находил благодатную почву в национализме «снизу»; не давал последнему окончательно исчезнуть, наоборот, возрождал в той или иной форме, подпитывал его жизненные силы.

Интернационализм применялся Сталиным во внутренней и внешней политике ровно настолько, насколько это диктовалось укреплением собственного режима (выше мы уже указывали, что укреплению советского строя способствовала как раз целиком интернационалистическая политика) и поддержанием в глазах западного левого движения собственного реноме «марксиста-ленинца». *При этом интернационализм был чужд Сталину в качестве революционной, нравственной потребности коммуниста*, как это было присуще Ленину, Че Геваре и многим другим видным деятелям международного левого движения.

Большинство современных историков приходит к выводу, что Сталин, вопреки декларациям, воплотил на практике свой план «автономизации»; а созданное унитарное по сути государство наиболее полно отвечало интересам мобилизационной

экономики и командно-административной системы управления. Сущность сталинского национализма – не в предубеждении против каких-либо наций, а в стремлении на корню пресечь любые попытки окраин ослабить свою зависимость от центра.⁴⁵ Кроме того, национальный вопрос становился для Сталина разменной монетой в достижении тех или иных целей, как внутри страны, так и на международной арене; а национальный террор стал частью массового политического террора.

Понятно, что и принцип федерализма не являлся волшебным ключиком к окончательному разрешению межнациональных противоречий. Даже если бы этот принцип целиком соблюдался Сталиным, со временем возникло бы противоречие между интернациональным характером Советского государства, формированием единого советского народа и существованием этнического федерализма.⁴⁶ Однако, для того, чтобы указанное противоречие созрело, необходимо было длительное время. Только в том случае, когда все народы почувствовали бы себя равными, возможен был переход к снятию национального федерализма через ту или иную форму, степень слияния всех советских народов опять же – на равной основе.

Таким образом, в межнациональном развитии того периода можно выделить два основных противоречия. Одно из них – между новыми общественными бытием и сознанием и пережитками старого общества – объективное, диалектическое. Оно органически присуще формирующемуся новому обществу и успешно разрешается по мере поступательного движения нового строя во всех сферах жизнедеятельности. Другое противоречие – между марксистской концепцией пролетарского интернационализма и сталинской политикой «дозированного» национализма – субъективно и недиалектично. Политика национального ущемления (в любой степени и форме) органически чужда социалистической системе. А значит, данное противоречие интернационального и национального не может разрешиться в рамках этой системы и рано или поздно должно было взорвать ее.

Естественно, невозможно с процентной точностью указать соотношение интернационализма и национализма в советской политике сталинского периода. Важно другое. Искажение Сталиным марксизма подрывало основы Советского многонационального государства, открывало шлюзы для сохранения и возрождения буржуазного национализма, особенно в среде пострадавших народов, снижало авторитет Советского Союза в левых кругах Запада. Частичное исправление ошибок советским руководством после Сталина не ликвидировало межнациональных противоречий в стране и не смогло предотвратить распад СССР в период перестройки. *Историческая реальность со всей очевидностью продемонстрировала невозможность единства имперских и социалистических признаков государственного устройства.*

⁴⁵ Аманжолова Д.А. Сталинизм в национальной политике: некоторые вопросы историографии // Историография сталинизма. С. 337, 347-348, 353-354.

⁴⁶ Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М., 2006. С. 408.